

РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Из собрания А. Н. Афанасьева

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 398.21
ББК 82.3(2Рос-Рус)6
Р89

Составление С. Б. Адоньевой

Р89 Русские заветные сказки : Из собрания А. Н. Афанасьева / [сост., вступ. ст., примеч. С. Адоньевой]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 86 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07376-1

В книгу вошли избранные тексты из знаменитого собрания русских заветных сказок, изданного собирателем и исследователем фольклора А. Н. Афанасьевым в 1872 году в Женеве. Заветными называются сказки с эротическим содержанием и нецензурной лексикой. По словам Афанасьева, опубликованные им сказки предназначены для истинных любителей «всего заветного» и «меткой образной русской речи».

УДК 398.21
ББК 82.3(2Рос-Рус)6

© Адоньева С. Б., составление,
вступительная статья, примечания, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-07376-1

ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ

Сборник «Народные русские сказки», составленный известным собирателем А. Н. Афанасьевым, увидел свет в середине XIX столетия. Он до сих пор остается одним из самых полных и объемных изданий русских сказок. Во время его подготовки значительное количество текстов было отвергнуто по цензурным соображениям. А. Н. Афанасьев составил из них рукописный сборник, который ныне хранится в Отделе рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Название рукописи таково: «Народные русские сказки не для печати. 1856–1862. Собраны, приведены в порядок, сличены с литературными списками А. Н. Афанасьевым». Часть сказок из этого рукописного сборника была издана в 1872 году в Женеве, в чем живое участие принимали А. И. Герцен и Н. П. Огарев¹. Женевский сборник получил заглавие «Русские заветные сказки» и вымышленные выходные данные — Валаам, год мракобесия. Публикатор, скрывающийся под псевдонимом Филобибл, отмечал в предисловии, что издание предназначено исключительно для истинных любителей «всего заветного, меткой образной русской речи и светлого юмора». В этот сборник вошли записанные в разных местах России бытовые сказки, а также фольклорные произведения близких к сказке жанров (присказки, анекдоты, небывальщины).

Предлагаемые вниманию читателя сказки были включены в женевское издание, однако в настоящей публикации сборник «Русские заветные сказки» не воспроизводится полностью. В нее не вошли тексты, принадлежащие к несказочному фольклору, а также те, что уже были опубликованы (с цензурными

купюрами) в «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева (М., 1957; М., 1986).

Публикуемые тексты относятся к тому ряду культурных явлений, описание которых связано со значительными трудностями. «Эротические» сказки, как в свое время другие образцы русского крестьянского фольклора, посредством издания включаются в контекст другой, не аутентичной им культуры. Их понимание может строиться как на основании культуры-«донора», так и на основании культуры-«рецептора». Второе из возможных пониманий сказалось на занявшей сто пятьдесят лет истории включения «заветных» фольклорных сказок в письменную культуру нового времени. Так, ряд публикаций в антологии «Занавешенные картинки», которая открывается фольклорными сказками — еще один этап этой истории: истории жизни фольклорного феномена по законам нефольклорной среды. Попробуем в этом разобраться.

По сути, правильнее было бы говорить о двух разных явлениях — фольклоре, собираемом, изучаемом и публикуемом, и фольклоре как части крестьянского и городского быта. Первое — фольклор, ставший значимой частью русской культуры XIX и XX веков и в структуре своей отражающий идейные установки своих собирателей и популяризаторов, в значительной степени отличается от второго, того фольклора, который бытовал и выполнял свои функции в естественной для него среде. Меняя контекст и форму бытования, текст принципиально меняет смысл: история «заветных сказок» — один из ярких примеров такого рода.

В XIX веке не пропущенными в сферу печатной культуры оказались сказки с порнографическим содержанием и бранной лексикой, а также антиклерикальные тексты и тексты антисловные. Издания сказок XX века, пропустив последние, подтвердили культурный запрет на первые, запрет, который в равной мере связан как с темой сказок, так и с их языком.

В запрещенных сказках «нецензурные действия» описываются посредством нецензурных слов и выражений, но не только это, как представляется, было и остается причиной табуированности этих текстов в современной культуре. Народные сказки не соответствуют высокому ценностному статусу эроса, сложившемуся в культуре Нового времени и прочно связавшему любовь и секс, жизнь души и жизнь тела. Сказка дискредитирует сакральный статус эротики, оскорбляет «высокое чувство». Следствием смехового описания сексуального поведения оказывалось снижение темы соития. А о том, что эта тема с романтических времен обрела неведомую ей до того высоту, мож-

но судить по запрету, существовавшему на ее обсуждение, на фоне достаточной свободы обсуждения других греховных, с точки зрения церковной, занятий — винопития, наркомании, воровства и пр.

Табу на сексуальную тему, установленное культурой Нового времени (причиной которого было не целомудрие, но сакрализация ее), прямым своим следствием имело неразвитость нормативной лексики, позволявшей говорить о сексе, находясь в пределах культуры. Это не означало тем не менее, что язык «заветных сказок» читателю незнаком. Унаследованный от традиционной культуры вместе со многими другими ее формами, он продолжал и продолжает существовать, обслуживая определенные сферы жизни, в первую очередь — мужские сообщества, и сферу речевой агрессии². Все это приводит к смысловому конфликту в восприятии фольклорных «заветных сказок»: их лексика воспринимается как агрессивная, тема — как оскорбляющая статус эроса. Этот конфликт непонимания обеспечивается тем, что интерпретация фольклорных феноменов выстраивается на основаниях, предполагающих литературу XIX века и крестьянский фольклор рассматривать в общем поле русской культуры, что несомненно не так.

Представление нашего современника о русском фольклоре, сформированное школьными знаниями советского времени, складывается из ряда идеологических штампов. Наряду с представлением о том, что русская литература «вышла» из фольклора (закрепленным в общественном сознании тропом «Пушкин и сказки няни»), общими оказываются представления о том, что фольклор — это «народное творчество». Оба слова, включенных в это определение, являясь значимыми идеологическими концептами для отечественной культуры XIX, а потом и XX столетия, в очень малой степени способны охарактеризовать наследие русской традиционной культуры, частью которого и являются сказки из собрания А. Н. Афанасьева.

Лишь малая часть фольклорных явлений, предполагающая некоторую свободу импровизации исполнителя, может быть, с определенными оговорками, определена как творчество, поскольку это всегда импровизация в пределах канона. Установка на традицию характерна для фольклора в целом, и это принципиально отличает его от любого из видов творчества Нового времени. И уже совсем невозможно автором русского фольклора признать русский народ, в том школьном понимании этого слова, которое обычно за ним стоит. Такое определение подвигает комментаторов фольклора к выводам спекулятивного типа: то или иное качество фольк-

лорного произведения становится качеством, приписываемым его носителем. Таковым, в силу установок и представлений культуры нового времени, оказывается «русский народ». При подобных заключениях игнорируется то обстоятельство, что общность такого рода складывается на основе, например, общности языка, о которой невозможно говорить применительно к российскому крестьянству, вплоть до сегодняшнего дня говорящему на диалектах и до введения обязательного начального образования минимально затронутому письменным языком в своей повседневной практике. Интегрирующую функцию в XX столетии выполняет устный язык аудиовизуальных средств массовой информации и письменный язык газет, но продуктом этой интеграции является другая общность — «советский народ».

Русский фольклор, к которому относятся и календарные песни, и былины, и заговоры, и порнографические сказки — конструктивный элемент традиционной культуры. Носителем ее являлось и в значительной степени продолжает быть русское крестьянство, сохраняющее определенный, в основном традиционный, тип практики, и осознающее себя не как единое общество, но как общности, различающиеся диалектами, территорией и обычаями.

Культура русского крестьянства, определенная как культура традиционного типа, обнаруживает значительное типологическое сходство с традиционными культурами других этносов, прежде всего таких, которые принято называть архаическими. Важно учитывать при этом то обстоятельство, что архаика этих обществ существует в пределах «Нового времени», и что русская «архаика» также не осколок или пережиток чего-то во тьму веков уходящего. В противном случае мы не имели бы возможность вплоть до начала XXI века на значительно удаленных друг от друга территориях нашего отечества наблюдать формы поведения и записывать фольклорные тексты, подобные зафиксированным нашими предшественниками в веке XIX и нашими коллегами — среди родоплеменных сообществ.

Так «архаика» эротических сказок поддерживается существованием, с одной стороны, традиционных норм поведения, в частности, норм половозрастных, с другой стороны, традиционными правилами символизации, определяющими место эротических сказок в ряду сходных с ними фольклорно-обрядовых явлений — скабрзных «приговоров» свадебного дружка, святочных игр, частушек и т. д.³

Правила символизации определены характером традиционного менталитета, о котором известно достаточно много. В традици-

онной культурной системе мир человеческий и мир природный взаимосвязаны. Природные процессы символизируются посредством форм человеческого существования (зачатие, рождение, еда, испражнение, смерть), и наоборот, человеческая жизнь осмысливается посредством природных символов. Такая взаимная символизация обеспечивает не только ментальную связь человеческого и природного, но и магическую связь, обеспечиваемую общностью символа. Природный и человеческий жизненные циклы оказываются связанными между собой причинной связью. Нарушения в одном цикле неизменно должны повлиять на состояние другого. И наоборот — соблюдение норм поведения человека и коллектива способствует нормальному существованию мира. Поэтому в традиционной культуре не существует сферы жизни, которая считалась бы интимной и была бы частным делом, и, в этом отношении, не была исключением и жизнь сексуальная. Нарушения норм поведения в сфере сексуальной жизни могли повлечь за собой нарушения природного цикла, а следовательно, обернуться материальным неблагополучием всей общины. Так, например, на время выпаса скота пастух должен был сохранять целомудрие, нарушение этого запрета могло навлечь беды на общинное (а в советские времена — колхозное) стадо. Примечательно и то, что целомудрие физическое сочетается в этом случае с целомудрием речи: «Когда скот выпускаешь, ругаться, матюкаться нельзя»⁴. Нарушения в мире природы могли быть исправлены за счет человеческой энергии посредством контагиозной магии. Чтобы неплодородная земля принесла большой урожай, к началу сезона хозяева приглашали соседей, имеющих большое потомство.

Представление о взаимосвязи природы и человека лежало в основе общности обрядов, которые оформляли семейные отношения и хозяйственную деятельность. Важным моментом родильного обряда было укладывание младенца в отцовской рубашке под лавку — на землю. Таким образом, ребенок обретал двойное покровительство — отца и Земли, он становился членом семьи и природного мира. Во время свадебного пира молодоженов осыпали зерном и приводили в дом свинью (символ плодovitости), чтобы способствовать скорейшему появлению потомства. Репродуктивность человека включалась в единый комплекс с репродуктивностью природной и находилась с нею в отношениях взаимной символизации. Акт зачатия засеянного поля был не менее сакрален, чем акт зачатия человека.

Значимость каждого звена человеческой жизни проявлялась в подчеркнутой обрядовой и этикетной регламентированности и закреплялась фольклорными текстами, передающими нормы пове-

дения от поколения к поколению. Нормы поведения человека, в том числе и речевого, определялись полом и возрастом. От пола и возраста зависит и компетенция в области фольклорного знания.

Замечательный российский фольклорист А. И. Никифоров, основываясь на собственных полевых впечатлениях, в 20-е годы писал: «Дело в том, что собиратели часто сознательно игнорируют известный материал сказок, относя его к не заслуживающему внимания. Такая точка зрения, если она диктуется только чистоплотностью собирателя, едва ли научно правильна. Правда, собирательницы-женщины иногда приходят в ужас от слышимого в деревне. Собиратель-мужчина бывает поставлен часто перед впечатлением еще более сильного свойства»⁵.

Впечатления сильного свойства, получаемые собирателями не только от сексуальной откровенности речи, но и от многого другого в крестьянском быту и представлениях, обусловлены ситуацией столкновения с иной, живущей по иным правилам, культурой. Эта ситуация не сразу осознается в силу кажущегося единства языка, на котором разговаривают собиратель и информант. Именно в этом направлении и разворачивается рассуждение А. И. Никифорова относительно эротических сказок и их места в жизни деревни: «Мысль о статье возникла под общим впечатлением, вынесенным мною из поездок за сказкой летом 1926 г. в Заонежье и летом 1927 г. в Пинежье. Признаюсь, я был поражен той насыщенностью деревни сексуальностью, которая преследовала на каждом шагу. Она сказывалась в речи, в бытовых рассказах, в фактах семейных отношений, в произведениях устного творчества и т. д. Однако же я скоро заметил, что в этой сексуальности деревни нет такого элемента, который делает ее специфичной в городе, нет того, что бы ее доводило до ступени эротики. Наблюдение над бытом показывает, что вы имеете дело с естественным, несколько грубоватым фоном жизни, по существу чрезвычайно целомудренной и строгой. То, что горожанину кажется с первого взгляда эротикой, на самом деле просто более открытая картина естественных природных отношений. Там, где город закутывается, часто лицемерно, в тысячу непроницаемых тканей, деревня признает в лучшем случае фиговый листок... Все это означает, что подход к эротическому в народе должен исходить не из норм культурного собирателя или исследователя, а из нормативных представлений самого населения»⁶.

В своей статье Никифоров коснулся очень важного вопроса о том, какое место занимают эротические сказки в жизни половозрастных групп. Собиратель отметил, что такие сказки знают мальчишки-подростки, бравирующие своим знанием, парни